

Я. Бруксон

Экономические предпосылки будущей европейской войны¹

Отделяющие нас от Версаля девять лет — период мучительных и напрасных попыток империалистических держав скоординировать свои хозяйственно-политические отношения, установить устойчивое международно-политическое равновесие. И каждый раз, когда империализм делает усилия для стабилизации, для укрепления своих сил, до очевидности резко выступают его внутренние противоречия. Они начали назревать после произведенного на Версальской конференции мирохозяйственного разделения труда.

Произведенное в Версале районирование неизбежно должно было повлечь за собою падение товаропроизводства и изуродовать товарораспределение. Созданы были геополитические и геоэкономические системы, при которых страны отрывались от своих сырьевых и продовольственных баз и при которых сокращались радиусы рынков. Искусственно изменившие экономическое тяготение государств системы вызвали сужение рынка, на фоне которого пышно расцвела империалистическая склока.

Основная задача версальского районирования заключалась в англо-французском овладении Средней Европой, в создании средне-европейского хозяйственного плацдарма, откуда можно было бы при наименьшем сопротивлении экономически проникать через Балканы в Переднюю Азию и крепко быть связанным с европейским севером и северо-западом. Для этого понадобились передел Европы и расправа с Германией и Австрией. Господство в Средней Европе влекло за собою введение в сферу своего влияния Балканского полуострова и разгром Европейской Турции. Замена австро-германского господства англо-французской гегемонией имела своим результатом новые государственные образования, столкнувшиеся в обострившейся рыночной анархии, и вражду между Францией и Англией за владычество узловых центров мирового хозяйства.

Так как экономико-политическая роль Германии и Австрии в значительной степени определялась Рейном и Дунаем, то укрепление в их зонах было одним из основных требований англо-французского империализма. Пересекаемый железными дорогами, которые бы направлялись через Швейцарские Альпы и продолжались к Милану, Генуе и Венеции, Рейн мог бы стать путем, связующим северо-запад Европы с Средиземным морем. Такова была желательная схема, поставившая рейнскую проблему во главу угла версальских операций.

В виду того что бельгийская железодельательная промышленность питается лотарингской рудой, аннексия Лотарингии Францией должна

¹ В порядке обсуждения. Р е д.

была решить старый спор — к кому тяготеет Бельгия; к Германии или к Франции. Франция повысила свой удельный вес в Средней Европе экономической от нее зависимостью Бельгии, чему содействовало присоединение к ней германских провинций Эйпена и Мальмеди с Маншауской железной дорогой. Намереваясь превратить Среднюю Европу в соединительное звено между европейской периферией и заморьем, Англия и Франция, однако, забыли, что Рейн, по словам швейцарского историка Бехтольда, „служит политическим рвом, в котором плавают многочисленны политические формации, клонящиеся то в одну, то в другую сторону, то присоединяемые к державе, лежащей по левой, то к расположенной по правую сторону реки“. Вот этой раскачки, о которой Бехтольд говорит напыщенным, с потугой на образность языком, Франция и Англия остановить не могли. Полное овладение Рейном экономически убило бы Германию, что не входит в интересы английского финансового капитала, озабоченного получением выгод от поддержки германского народного хозяйства. С другой стороны, уступка в рейнском вопросе угрожает экономическому значению Франции на мировом рынке. Рейнская проблема создала трудноразвязываемый центральный узел англо-французских отношений, а за центральным узлом пошли новые петли.

Чехо-Словакия отрезана от рынков сбыта, т. е. от территории бывшей Австро-Венгрии, где в данное время наблюдается тенденция к ограничению ввоза за счет покрытия спроса внутренним производством. Там нарушено бывшее когда-то единство путей сообщения.

Водные артерии — Эльба и Дунай — не столько помогают расширению сферы внешнеторговых отношений Чехо-Словакии, сколько содействуют ее зависимости от Франции и Англии. Господство Англии на Дунае — одна из причин усиливающегося влияния английского финансового капитала на чешскую торговлю и промышленность точно так же, как продвижение чехо-словацких товаров по Эльбе содействует выполнению Чехо-Словакией роли охранителя французских интересов в Германии. Борьба между влиянием на Дунае и влиянием на Эльбе есть спор между Францией и Англией. Рядом с Чехо-Словакией к укреплению англо-французского господства в Средней Европе призвана и Польша. Отрезанные ей „наделы“ — Привислинский край, Галиция, Восточная Пруссия — поощрили ее великодержавные порывы, которым не соответствует возможная хозяйственная динамика. Вошедшие в состав Польши территории, как Домбровский каменноугольный и Лодзинский фабричные районы, оторвались от своих прежних рынков. Понизился производственный уровень Галиции и Восточной Пруссии, но вместе со свертыванием производительных сил увеличились налоговые тяготы, усилилось искание источников финансирования великодержавия. Отсюда растущая агрессивность и готовность быть на активных постах у главарей Антанты. Финансовый кризис в Польше резко обнаружил диспропорцию между создавшейся после Версаля экономической структурой и нуждой в средствах на хозяйственные цели и на государственный аппарат.

Диспропорция сказалась более или менее всюду, где территориальные приращения влекли за собой нарушения транспортной связи, изменение товарной циркуляции и понижение платежеспособного спроса, но особенно убедительно проявилась она на значительных геополитических буферах.

Наиболее ярким выражением хозяйственного уродства, вызванного основными целями гегемонов империализма, является Австрия. Лишенная продовольственной и сырьевой базы, не имеющая выхода к морю, Австрия вынуждена лечь баластом на плечи стран владык. Благодаря ее образованию, для Германии сведено на нет значение международной железнодорожной линии Цюрих — Фельдкирх — Арльберг — Инсбрук — Вена — Будапешт. Новая Австрия должна была стать фактором, понижающим германский удельный вес в мировом хозяйстве. Зависимость австрийского хозяйства от Антанты и обусловленное ею повышение влияния победителей на железнодорожный путь большого международного значения — результат всей системы перекройки Европы и ее основных мотивов.

Стремясь вытеснить Германию из областей, тяготеющих к Черному морю и оставить ее вне международного транспорта, Антанта проделала эксперимент над Австрией в том же духе, в каком создала невыдерживающие экономической критики другие „районы“.

Венгрия меньше пострадала, чем Австрия, но и она лишилась большинства каменноугольных шахт, железных рудников, а ее лесная площадь значительно сократилась. Румыния, об обогащении которой старалась опекавшая ее Франция (увы, французское влияние заменено англо-итальянским!) далеко не может похвалиться своей экономико-географической законченностью. Седмиградье и Западная Буковина только тремя железнодорожными линиями соединены с Придунайскими низменностями. Это значит, что внутренние области страны недостаточно тесно сцеплены с выходами в море. Румыния обогатилась производственными силами, но для того чтобы их оживить, она должна иметь оборотные средства, каких у нее нет. Итальянская буржуазия как будто осуществила свои национальные идеалы. Во славу ирредентизма к Италии присоединены повысившие ее господство на Адриатическом и Средиземном морях области. Перед ней открываются перспективы колониальной политики в Африке и Передней Азии. Но тем не менее некоторые из ее новых территорий обречены на экономическое прозябание. Например, отрезанный от бассейна Дуная Триест подвергается опасности хозяйственного замирания. К нему тяготеют Австрия, Чехо-Словакия и Югославия, но высокие таможенные тарифы, к которым прибегает Италия, парализуют международное значение Триеста. Италия бедна углем и железом, несмотря на всякие приращения. На Италию гегемонами империализма возложена была задача быть мостом между Средней Европой и Балканами. Когда Германия держала в своих руках экономико-политические нити средне-европейских стран, Австрия выполняла эти посреднические функции. Переустройство Балкан не устранило их зависимости от европейских промышленных государств и не нарушило борьбы за них, как за путь на мировые рынки.

Картина хозяйственной депрессии Европы, по данным Секретариата Лиги Наций, представленным на Международную экономическую конференцию в Женеве, выпукло отражает искажение европейской экономики версальским действием. В перекроенной Европе население к 1926 г. увеличилось, сравнительно с 1913 г., на 1% при сравнительном падении внешнеторгового оборота, исчисленного в долларах, на 10%. В частности, в Средней и Восточной Европе, кроме СССР, население за данный период увеличилось на 4%, а внешнеторговые обороты снизились на 25%. Очевидно, что экономическая реакция версальского передела особенно

резко дала себя почувствовать в той части континента, которая больше, чем другие территории, подверглась экспериментам. Участие Европы в мировой продукции продовольствия и сырья по сравнению с довоенным временем упало на 4%; в 1913 г. оно составляло 43%, а к 1926 г. определилось в 39%. Европейская продукция топливных материалов, до войны равнявшаяся 48% мировой продукции, снизилась до 37%, а продукция металлов упала с 52% до 41%.

Обращаясь к изучению происшедшего экономического упадка Европы, нельзя, прежде всего, не обратить внимания на индустриализацию вне-европейских стран, отражающуюся на сокращении покупательского спроса на европейские товары. Во внеевропейских странах, за исключением Соед. Штатов, производство чугуна увеличилось втрое, а производство стали увеличилось вчетверо сравнительно с довоенным временем. Как внеевропейская индустриализация сказалась на падении европейского экспорта видно из того, что его удельный вес в мировой торговле в 1926 г. снизился на 20%, а удельный вес экспорта Средней и Восточной Европы без СССР упал почти на 50%.

Сокращение экспорта на внеевропейские рынки остро поставило вопрос о более интенсивном использовании внутриевропейских покупательских возможностей. Проблема эта стала камнем преткновения для европейских государств. О нее разбиваются их усилия. Ее разрешение требует понижения издержек производства, — в качестве главного фактора низких цен, — быстрого роста оборотных средств и, наконец, повышенного платежеспособного спроса. Но понижению цен противоречит произведенная в ряде стран дефляция валюты, неизбежно влекущая за собою увеличение себестоимости производства. С другой стороны, низкие цены усиливают конкуренцию между странами товаропроизводителями, вызывая таможенную борьбу и, стало быть, имеют своим результатом затрудненный товарный сбыт, с которым связано сокращение оборотных средств. Создающиеся, таким образом, условия товарообращения предрасполагают к проникновению финансового капитала в целях так называемого народнохозяйственного санирования. Капитал Соед. Штатов встречает в Европе благоприятную почву из-за тех экономических процессов, которые мертвят европейское хозяйство. Не давая ему застаиваться, американский капитал набрасывает на него петлю. Текущая финансовая помощь Соед. Штатов при крупной европейской задолженности обуславливает повышение американского импорта на европейский континент.

Об увеличении американского ввоза в Европу можно судить по следующим данным (в млн. долл.):

	1910—14 гг.	1921—25 гг.	1925 г.	1926 г.
В Англию	568	941	1.034	972
„ Германию	304	383	470	364
„ Францию	139	265	280	264
„ Италию	66	185	205	187

Санитарное преследует организацию рынков для американских товаров, требующих широкого спроса. В конце концов, благодаря выросшему американскому импорту, конкуренция в Европе достигает чрезвычайно высокого напряжения. Усилия по преодолению экономических

стеснений, которые принес с собой версальский передел, не только не ослабевают с эмиграцией американского капитала и приливом американских товаров, но делаются еще более резкими. Их резкость возрастает в связи с определяющейся устойчивостью хозяйственного кризиса.

Затруднения в размещении товара отражаются на понижении эффекта от эксплуатации производительных сил. В Польше, например, производство чугуна отстает на 40%, а производство стали — на 54% от производственных возможностей. Та же недогрузка замечается и в Чехо-Словакии и в ряде других новообразованных государств. Наоборот, во Франции, Бельгии, Испании и Германии (в которой рост тяжелой индустрии в ее нынешних пределах не покрывает вызванных версальским переделом потерь), — наблюдается другая картина. Так, продукция стали в 1925 г. во Франции увеличилась на 20%, сравнительно с довоенным временем, в Испании она выросла вдвое, а в Бельгии на 35%. И несмотря на это среднее количество стали, приходящееся на одну душу, упало в Европе по сравнению с 1913 г. на 8 кг. В 1913 г. оно равнялось 184 кг, а в 1926 г. 172 кг. Данные 8 кг отражают жестокую конкуренцию за размещение изделий тяжелой индустрии; о том же сжатии рынка говорит и европейский спрос на уголь, который, по данным Секретариата Лиги Наций, упал в 1926 г. по сравнению с 1913 г. на 6%. На ряду с пониженным потреблением изделий тяжелой индустрии падает потребление и товаров легкой индустрии. Так, по тем же материалам Лиги, потребление тканей на европейском рынке 1926 г. уменьшилось на 16% против 1913 г.

Значение приводимых цифр обостряется при учете сократившегося экспорта европейских текстильных изделий на внеевропейские рынки. Япония, Китай и Индия почти вдвое увеличили количество своих веретен. Китай увеличил продукцию своей текстильной промышленности на 240%, Япония на 142%, Бразилия на 107%, Британская Индия, приблизительно, на одну треть в сравнении с довоенным временем.

Рождаемый конкуренцией товарный избыток не рассасывается в виду высоких таможенных пошлин, вызываемых той же конкуренцией. Почти во всех европейских странах таможенные барьеры стремительно тянутся вверх. По исчислениям, основанным на методологии проф. Юнга, таможенный уровень в 1925 г. обогнал довоенный уровень таможенных пошлин в Венгрии, Польше, Югославии на 25%, в Чехо-Словакии и Италии на 20%, во Франции, Германии Швеции — на 10—15%, Бельгии и Дании — на 10%, Великобритании — на 5%, а в Испании — на 40%.

На основании данных, приводимых Прибармом¹ таможенные ставки повысили средние цены на фабрикатy в Испании на 40%, на 30—35% в Польше, на 25—30% в Чехо-Словакии и Венгрии, на 20—25% в Германии, Италии и Югославии, на 15—20% в Бельгии и Швеции, на 10—15% в Дании. На дороговизну влияла еще и дефляция валюты. Вырос индекс набора предметов первой необходимости. Цена такого набора по сравнению с 1914 г. увеличилась в Бельгии больше чем в 7 раз, в Чехо-Словакии в 2,19 раз, во Франции — 4,85 раз, Германии — 0,42 раза, в Италии — 0,82 раза.²

¹ Karl Pribar m, Die weltwirtschaftliche Lage im Spiegel des Schrifttums der Weltwirtschaftskonferenz. Weltwirtschaft. Archiv. S. 387.

² Europa Yearbook, S. 50

Получается круг. Для усиления спроса нужны низкие цены, но понижению цен противодействуют таможенные рогатки и дефляции. В период инфляции форсирование экспорта из стран с низкой валютой оказывало понижающее влияние на товарные цены. В период дефляции, когда повышение производственных издержек влияет на повышение товарной цены, экспорт должен задержаться. Одним из средств борьбы с таможенными пошлинами и высокой товарной ценой служит рационализация производства, но и она не избавляет от рыночного напряжения, так как эта рационализация охватывает большинство конкурирующих стран.

Основные черты европейского кризиса выпукло очерчиваются представленными на Международную экономическую конференцию докладами отдельных государств. В них лирика о народохозяйственных болезнях как бы скрадывается бодрими нотами о грядущем экономическом возрождении, но бодрость делается совершенно неубедительной при внимательной оценке чрезвычайно серьезных недочетов, которые не случайны, а вытекают из сущности послеверсальского этапа империализма. Представители Чехо-Словакии устанавливают причинную зависимость между хозяйственной депрессией и изменением центров экономического тяготения. Чехо-Словакия вынуждена искать новые рынки сбыта, потому что территории, на которых сбывались до Версаля ее товары, ныне тяготеют к Польше, Венгрии и Румынии, а новые рынки — это Грааль, которого нужно добиваться с мечом. Маленькие прибалтийские страны и Польша проливают слезы из-за утраченного сбыта в СССР. Финляндия также должна ориентироваться на западно-европейский спрос. В докладах аграрных стран Европы звучит мотив о расхождении сельскохозяйственных и промышленных цен. На „ножницы“ жалуется Венгрия и Балканские государства. „Ножницы“ выражаются в несоответствии между экспортными и импортными ценами.

Тогда как индекс цен на экспортные товары равняется 134, на ввозные товары он достигает 147. „Ножницы“, таким образом, — показатель противоречий, существующих между аграрной и промышленной частью Европы, и, вместе с тем, они показательны для конкуренции между промышленными государствами за экономическое овладение аграрными странами.

Сравнительно низкий индекс на сельскохозяйственные продукты одновременно и выгоден и невыгоден гигантам индустрии. Они заинтересованы в дешевом продовольствии и дешевом сырье, но вместе с тем их интересы страдают от падения покупательной способности аграрных государств, вследствие снижения цен на сельскохозяйственные продукты. Большинство стран считает одним из главнейших условий, осложняющих их экономические затруднения, недостаток капиталов. Для борьбы с этим злом намечаются различные мероприятия, в том числе такие радикальные, как расчленение мирового финансового фонда между заинтересованными государствами по признаку целесообразности. Химера эта симптоматична для фантазии, мятущейся в поисках спасения от печальной действительности. А объективная реальность свидетельствует о наступлении американского Шейлока, который собирается спасти пошатнувшуюся хозяйственную жизнь Европы финансовыми услугами. Задолженность Европы — стимул для вмешательства в ее экономику. Как кредитор, Америка подходит к решению вопроса о покрытии своих долгов при

посредстве дауэсизации, главным образом, европейских аграрных стран, где могут найти сбыт ее фабрикаты.

Соед. Штаты завязали сложный узел кредитных отношений, которые должны повлечь за собою дальнейшие экономические узлы. Для создания кредитоспособности, чрезвычайно сомнительной при существующем положении европейских финансов, Соед. Штаты вынуждены продолжать роль кредитора. Недавно созданная организация американских банков, имеющая своей задачей кредитование европейских промышленных и сельскохозяйственных предприятий и получение в Европе концессий, подчеркивает тенденции экономической интервенции. Однако, американская активность требует европейского мира. Недаром американские банкиры выступали с пацифистскими манифестами, недаром Америка не сочувствует Локарно и его развитию. Американские банкиры очень хорошо знают, что методы Локарно являются своеобразной маскировкой агрессивности, что они инсценируют мир для того, чтобы легче было готовиться к нападению. С американской точки зрения Европа — комбинат, который может быть эксплуатируем при финансовой поддержке; но этот комбинат раздирается внутренними противоречиями, его хозяйственное равновесие поколеблено. Его отдельные элементы борются друг с другом за свою независимость.

К борьбе за национальный индивидуализм сводится сущность хозяйственных столкновений большинства европейских государственных новообразований, которые для своей экономической самостоятельности примыкают к гигантам империализма и, помогая им в их стремлениях к гегемонии, сами стараются делить с ними мировое господство. Из-за перекроенной в Версале европейской карты в сферу империализма вовлечено гораздо больше стран, чем после Берлинского трактата, т.е. после империалистической „весны“, повлекшей за собою европейскую войну. Экономический индивидуализм составляет сущность Локарно и определяет логику его развития. Как известно, в Локарно Англия и Италия поставлены в положение гарантов. На их обязанности лежит наблюдение за выполнением локарнских соглашений. Заключенный в Локарно Рейнский пакт или союз Бельгии, Германии, Франции, Британии и Италии о сохранении германского status quo скрывает глубокие противоречия между Францией и Англией. Англия Рейнским пактом намерена удержать французский натиск на Германию. Отрезвевшая после Рура Франция должна была идти на уступки, согласиться на признание неприкосновенности германских границ. Но ее опасения германского реванша не исчезли. Хотя ее заводчики в „трогательном содружестве“ участвуют с немецкими промышленниками в стальном тресте, ее политика безопасности направлена на активную самозащиту от Германии, под которой на языке империалистической дипломатии надо понимать готовность по незначительным поводам к нападению. Пакт обязывает соблюдать ст. 43 Версальского договора о демилитаризованных зонах на берегах Рейна. Этим он дает повод Англии и ее союзнице Италии охранять германские границы и заботиться об оживлении германской экономической жизни в отведенных для нее пределах. Но экономический подьем Германии чреват неожиданными неприятностями для Франции. Французский промышленный капитал сталкивается с английским финансовым капиталом на германской проблеме. Рейн — основная причина англо-французских разно-

гласий. Ослабление английского экспорта, падение тонуса английской индустрии заставляет британский капитал энергичнее трансформироваться в капитал финансовый, тем более что британская предприимчивость уже давно сказалась в международных транспортных, страховых и концессионных предприятиях. Уклон к банковскому посредничеству и к концессиям принимает резко определенный характер из-за сложившейся мирохозяйственной конъюнктуры.

Отсюда английская политика укрепления в Средней Европе требует экономически жизнеспособных объектов, над которыми могли бы оперировать английские банкиры, концессионеры и деятели по страхованию и транспорту. Англии, как и Америке, нужен крепкий пульс экономики ее клиентуры. Французская политика, идущая на поводу у поднявшего голову промышленного капитала, наоборот, нуждается в подавлении хозяйственной жизни своих конкурентов. Вот эти взаимно противоречащие методы и обуславливают влияние Франции и Англии на малые страны, которые, примыкая к гегемонам, хотят отстоять свою национально буржуазную природу. Но вследствие того, что центр вопроса об их экономическом развитии лежит в оборотных средствах, от которых зависит и понижение цен и дефляция валюты, которые открывают перспективу успешной борьбы с таможенными рогатками, они идут навстречу английскому финансовому капиталу.

„Симпатии“ к Англии подбадриваются установившимися в Европе англо-американскими взаимоотношениями. Из-за того, что Англия — наиболее крупный американский должник, из-за того, что, с другой стороны, Англия одновременно является крупным кредитором европейских стран, Соед. Штаты с большой готовностью возводят Великобританию в генерального агента по своим европейским делам. Своего укрепления в Средней и Северо-Западной Европе Англия добивается дружбой с Польшей, с Прибалтийскими странами и с Финляндией. Дружба эта покупается кредитной помощью и концессиями. Привлекая Польшу на свою сторону, Англия выбивает крупное звено из Малой Антанты — этой опоры французского фашизма. Английский империализм очень хотел бы объединить вокруг Польши маленькие страны Прибалтики для того, чтобы иметь базу, упрочивающую его средне-европейские позиции. Об этом его желания свидетельствуют неоднократные попытки польской дипломатии по организации блока Прибалтийских государств и происходящий на наших глазах „спор“ о польско-литовской унии. Такие блоки показывают как национальный индивидуализм перерастает в империализм, как, разрешая проблему об оборотных средствах и оживлении своего хозяйства, маленькие страны становятся пособниками британской гегемонии на Балтике. Британский империализм очень склонен для усиления своего средне-европейского влияния на большую уступчивость по отношению к Германии. По словам газет Англия будто бы хлопочет о снижении подлежащих к уплате в предстоящем году репараций. На Балканах Франция также вытесняется Англией. Здесь она встречает ее сотрудничество с Италией. Балканский итало-английский блок, впрочем, построен на разногласиях. Италия внедряется в Балканские страны, чтобы найти сбыт своей продукции. Для защиты своего тыла при овладении Адриатикой она захватывает Албанию. Итальянские операции на Балканах вызывают внутрибалканские раздоры, что вовсе не соответствует видам Англии, стремя-

щейся к мирному экономическому завоеванию Балкан. Однако, Италия все же помогает наступлению английского финансового капитала на балканские земли и, следовательно, для англо-итальянского союза, при внутренних его противоречиях, все же существуют достаточно убедительные мотивы.

7 ноября 1925 г. заключен итало-албанский договор, по которому итальянскому ввозу предоставлены широкие таможенные льготы. Двери Албании открылись не только для итальянских товаров, но и для итальянского капитала. В Албании организуются итальянские банки и создаются итальянские нефтяные концессии. С итальянским концессионным порывом не может выдержать соревнования даже Standart oil Co. Албания отрывается от влияния Югославии, что является причиной крайнего недовольства последней. Недовольство принимает угрожающие формы после заключенного 25 ноября 1926 г. албано-итальянского соглашения в Тиране, которым установлен итальянский протекторат над Албанией. Внедряясь в Албанию, итальянский фашизм пробивает себе дорогу и в Румынию и в Болгарию. 16 ноября 1926 г. заключен итало-румынский договор о дружбе. Договор нанес удар Франции, надеявшейся на Румынию, как на защитницу своих интересов на Балканах. От Франции откололась и Болгария, которой правительство Муссолини обещало содействовать в благоприятном разрешении македонского вопроса. Македония служит предметом давнего спора между Болгарией и Сербией и ориентация Болгарии на итальянский фашизм еще больше разжигает болгаро-сербскую вражду.

Греко-югославский спор о Салониках также служит поводом для политических маневров итальянского фашизма. Италия в содружестве с Англией признает за Грецией право на Салоники, на которое претендует Белград. Италия своими маневрами расчищает поле для дающих ощутительный эффект финансовых услуг Британии. Большая часть ввоза в Грецию, достигающая 70% внутреннего потребления, перешла в руки Англии. Экономические успехи обуславливают политическое владычество. Английский глаз следит за малейшими подробностями в политической жизни Греции. Англия регулирует финансы Болгарии. Вмешательство здесь началось после „филантропической“ кредитной помощи, оказанной болгарским беженцам из сербской и греческой Македонии. Румыния куплена Англией, стратегически укрепившей ее на Черном море конвенцией проливов в Лозанне.

Создалось балканское Локарно, смысл которого сводится к защите английских интересов всеми балканскими странами за исключением тяготеющей к Франции Югославии. Финансовый капитал Англии почти политически изолировал на Балканах Францию, оставив ей одну Югославию. Он разрушил опору Франции — Малую Антанту. Его победы сделались возможными из-за отстаивающего себя буржуазного национализма малых стран, которые готовы на экономический плен ради своего хозяйственного оживления.

Англия также подняла свой хозяйственный авторитет в Венгрии. Для усиления английской ориентации она заботится об улучшении положения венгров в румынской Трансильвании. Австрия ею санируется. Одна только Чехо-Словакия, бережно охраняя свой суверенитет, опасается германского возрождения и тяготеет поэтому к Франции.

В конечном итоге Англия распространила свое влияние почти на всю Европу — от Балтики до Черного моря, имея своим соперником Францию, на которую ориентируются Чехо-Словакия и Югославия. Английский империализм лучше использовал создавшуюся после Версаля конъюнктуру, чем империализм Франции.

Версальский мир вызвал сужение рынка. Это сужение надо было преодолеть при отсутствии достаточного для этого экономического вооружения. В стараниях его преодолеть недавние союзники становятся врагами. Экономические предпосылки будущей войны заключаются в том, что два борющихся гиганта пытаются экономически истребить друг друга. Политическая ориентация на Англию равноценна сокращению радиуса рынков для новой французской промышленности, чем подводится мина под основы французской гегемонии. В этой обстановке стабилизированного напряжения дипломаты капиталистических стран говорят о мире под аккомпанимент одной мысли: сух ли порох? Борьба в Европе продолжается в Передней Азии, где опасения за Сирию побуждают Францию относиться с большой подозрительностью к английскому продвижению в Аравию, на Средиземноморском побережье в Африке, на котором Англия охраняет Гибралтар от колониальных увлечений Франции и на котором англо-итальянский блок продолжает борьбу с Францией с большей энергией, чем на Балканах. На севере Африки и в Передней Азии гораздо острее, чем до войны, сталкиваются интересы империалистов в вопросе о гегемонии в аграрных странах. Конфликт этот несет с собою для Англии опасность захвата Францией узловых пунктов мирового товарооборота на Атлантическом океане. Если положение на Дальнем Востоке у Тихого океана далеко не устойчиво, то также очень трудно найти черты устойчивости в Передней Азии и на севере Африки. Укрепившись на подступах к внешним рынкам Европы, Англия развивает огромную активность для размещения своего финансового капитала за европейским рубежом, урезывая, таким образом, интересы французской промышленности и создавая предпосылки для будущей войны.

В соответствии с экономическим напряжением растут вооруженные силы конкурентов. По данным Europa Yearbook за 1927 г., в 1925 г. Британия увеличила свою сухопутную армию на 29.000 чел., а Франция на 27.000 чел.¹ По сравнению с 1922 г. в 1905 г. военный бюджет увеличился в Британии на 4%, во Франции на 14%.²

Из создавшегося тупика капиталистические державы пытаются выйти посредством компромиссных соглашений, которые должны ограничить свободу национального хозяйства.

В таможенной политике эти попытки находят свое выражение в таких проектах, как, например, проект американского проф. W. T. Page, Француза Serrys, предлагающих конвенционный тариф. Разумеется, что такие разговоры имеют теоретический характер и никакого практического влияния не оказывают. Страны вооружены друг против друга генеральными, автономными или же двойными тарифами — максимальным и минимальным, при которых свои товары они должны проталкивать через хорошо укрепленные таможенные крепости. Рядом с попытками

¹ См. Europa Yearbook за 1927, стр. 106.

² Там же, стр. 110.

установления экономического мира путем таможенных союзов капиталистические государства цепляются как за средство спасения за международные картели. Проблема горизонтальных международных промышленных союзов вызвала уже большую литературу: ею занимаются Тренделенбург, Виденфельд, Кассель и др. Защитники картелирования уверены, что картели могут иметь благоприятное влияние на стабилизацию мирового рынка, что они должны понизить цены, оживить товарооборот, ослабить погоню за сбытом товаров, словом, содействовать хозяйственному равновесию. На экономической конференции, где предлагались о горизонтальных трестах и международных комбинатах выдвигались с уверенностью и смелостью, далеко обогнавшей объективную логику, можно было убедиться, что лозунг картелирования — далеко не белый флаг перемирия. В самом деле, на конференции ясно стало, что аграрные страны чрезвычайно опасаются монопольных промышленных союзов, что им вовсе не хотелось бы быть в плену у крепкой промышленной организации, от которой некуда уйти. Существующее в настоящее время расхождение промышленных и сельскохозяйственных цен при монополизации рынка картелем, естественно, должно будет резко проявиться. Эти сомнения заставили и правоверных защитников международных картелей умерить свою теоретическую ретивость и некоторые из них внесли в „картельные“ проекты поправки о том, что картель действительно может избавить современное мировое хозяйство от серьезных бед, но лишь при условии свободы торговли. Однако, так как условие это невыполнимо, то поправка подорвала значение этого лозунга мира. Впрочем, существуют оптимисты, которые видят в картелях и в таможенных объединениях способы организации европейской автаркии.

Вдохновителем этой фантазии, носящей название „пан-Европа“ является Калерги, по мнению которого в состав Европейских Соединенных Штатов должны войти все страны материка за исключением Англии и СССР. Карелги почему то убежден, что если бы были созданы Европейские Штаты, то и пан-Америка, т.-е. объединение двух американских континентов в 30,2 млн. кв. км с 202 миллионами населения, и пан-Азия с Китаем и Японией, насчитывающими более 400 млн. человек на 11,78 млн. кв. км. и, наконец, Британская империя, с подвластными ей народами на 36,3 млн. кв. км — представят какую-то „счастливую Аркадию“.

Опыт показывает, что предложения о международных экономических союзах в целях хозяйственной изоляции появляются каждый раз, когда страны хотят окопаться для будущего наступления. Таковы были в конце 50-х годов прошлого века проекты бывш. австрийского министра Брука, проекты Моллиари, Леруа Болье, Листа в 60-х годах XIX столетия, пастора Науманна во время империалистической войны.

Нарушенное хозяйственное равновесие заставило отдельные промышленные отрасли различных стран объединиться в картели и синдикаты, из которых главнейшие: международное соглашение о производстве необделанной стали, франко-германско-люксембургское соглашение по производству и распределению чугуна, международный рельсовый картель, картель по производству труб, алюминиевая ассоциация, международный союз по производству суперфосфата, международное соглашение по производству шин, европейский картель эмалированных изделий, медный картель, картель искусственного шелка, франко-германский картель ка-

лиевой промышленности, международный синдикат лампочек накаливания.

В большинстве перечисленных торгово-промышленных организаций господствующие в них страны-гиганты подчиняют себе своих сотрудников — мелкие государства. Эти объединения отражают систему гегемонии в перекроенной Европе, построенную на эксплуатации слабых сильными. Объединения эти мира не приносят и напряженной борьбы за рынки не устраниают. Наоборот, вызывая недоверие аграрных стран, крупно-промышленные агрегаты одновременно рожают недовольство в своей же среде своих же участников, жалующихся на малые квоты, на невысокие прибыли и т. д. В созданных агрегатах малые государства очень часто выполняют комиссионные функции по распределению продукции. Не ослабляя экономического кризиса, торгово-промышленные соглашения не разряжают накапливаемой взаимной ненависти. Картели, как и рационализация хозяйственной жизни, как и другие менее важные экономико-политические меры, которыми заняты находящиеся на иждивении Лиги Наций институты, свидетельствуют лишь о беспомощных попытках вырваться из послеверсальского тупика.